

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ —
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ

В предыдущих главах мы рассмотрели подход Плеханова к вопросу о характере и движущих силах первой российской революции, отметив коренное различие в решении его большевиками и меньшевиками. Теперь нам предстоит проанализировать, как решался ими главный вопрос всякой революции — вопрос о власти, логически венчающий собой комплекс проблем, связанных с определением стратегической линии пролетарской партии в революционной борьбе¹.

Настоящий революционер не может занимать здесь нейтральной, безразличной позиции, не может беззаботно отдаваться стихии революции, не задумываясь над тем, чем закончится борьба, кто воспользуется ее плодами, в чьих руках окажется тот могучий рычаг разрушения старого и созидания нового, каким является государство. Марксизм никогда не придерживался фаталистической концепции, согласно которой политическая надстройка — это лишь автоматически возникающая над определенным экономическим базисом система учреждений, простая оболочка, не дающая обществу расползаться в некую бесформенную массу. Напротив, государственная власть — это могучая созидательная сила, с помощью которой экономически господствующий класс преобразует общество в соответствии со своими коренными классовыми интересами и поддерживает отвечающий этим интересам порядок, та сила, без которой завоевания любой революции рискуют быть утраченными и опрокинутыми в результате сопротивления реакции.

Особенно велика роль государства в революционную эпоху, когда после победы прогрессивных сил оно должно защитить революцию от ее внутренних и внешних врагов, законодательно закрепить процесс разрушения старых

общественных отношений и порядков, дать простор всему новому, передовому, помочь его становлению идейно и материально. «Всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития», — писал Плеханов в первой же своей марксистской работе «Социализм и политическая борьба»². Далее он подчеркивал, что закономерным результатом социалистической революции будет установление *диктатуры пролетариата*, задачей которой является «не только разрушение политического господства непродуцируемых классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни»³.

Проблема революционной власти приобрела особую актуальность с началом первой российской революции. Еще накануне событий 9 января в Женеве вышла брошюра меньшевика А. С. Мартынова «Две диктатуры», написанная, если верить его воспоминаниям, с «благословения» Плеханова⁴ и ставшая настоящим «символом веры» всего меньшевистского течения. Мартынов утверждал, что если «в той или иной отсталой стране *благодаря слепой игре революционной стихии* пролетариат очутится на момент у власти в то время, как там не будет еще объективных условий для социалистической революции», то рабочая партия не сможет выполнить задач диктатуры пролетариата и потому «ее действительная роль будет неизбежно ролью несостоятельного плательщика». Далее Мартынов писал, что поскольку предстоящая революция в России будет носить буржуазный характер, то даже в том случае, если ей удастся заменить царское самодержавие демократической республикой, она все равно «доставит безраздельное политическое господство буржуазии». Буржуазия будет хозяином завтрашнего дня, подчеркивал Мартынов, а пролетариат «не может получить ни всей, ни части политической власти в государстве, покуда он не сделает социалистической революции...»⁵.

Разрекламированная редакцией меньшевистской

² Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. М., 1956, т. 1, с. 76.

³ Там же, с. 101.

⁴ Пролетарская революция, 1925, № 11, с. 277.

⁵ Мартынов А. С. Две диктатуры. Женева, 1905, с. 53, 54, 58.

«Искры»⁶ брошюра Мартынова встретила резкий отпор со стороны Ленина, который посвятил ее критическому разбору несколько статей. Ленин расценил основную идею Мартынова как запугивание пролетариата «роковой перспективой» участия во временном революционном правительстве, как отговорку от восстания и революции⁷.

Взгляды Мартынова получили в 1905—1907 гг. широкое распространение в меньшевистском лагере и в значительной мере предопределили его отношение к проблеме революционной власти в целом и к вопросу об участии социал-демократии во временном революционном правительстве⁸. На Женевской меньшевистской конференции была принята специальная резолюция по этому вопросу⁹, в которой подчеркивалось, что социал-демократия не должна ставить своей задачей захват власти¹⁰ или хотя бы участие во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции. «Эта тактика, — говорилось далее в резолюции, — конечно, несколько не исключает целесообразность частичного, эпизодического захвата власти и образования революционных коммун в том или другом городе, том или другом районе, в исключительных интересах содействия распространению восстания и дезорганизации правительства. Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить усилия к тому, чтобы овладеть властью и по возможности дольше удерживать ее в своих руках — имен-

⁶ Редакция «Искры» писала, что Мартынов затрагивает в брошюре «существенные вопросы нашей тактики и на анализе развития Великой французской революции выясняет невозможность для русской социал-демократии играть в предстоящем перевороте роль якобинской партии» (Искра, 1905, 18 (31) янв.).

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 258—260, 307—308; т. 10, с. 4—13.

⁸ См., например, статью Мартова в «Искре» от 17 (30) марта 1905 г.

⁹ Главную роль в комиссии по выработке проекта резолюции играли Аксельрод и Мартынов.

¹⁰ Отметим, что термин «захват власти», вполне уместный при характеристике верхушечных дворцовых переворотов или заговорщической деятельности оторванных от народа революционных кружков бланкистского типа, никак не подходил к борьбе революционной социал-демократии за завоевание политической власти в ходе такого широчайшего народного движения, каким была первая российская революция. Тем не менее этот термин прочно вошел в политический лексикон меньшевиков. Часто пользовался им и Плеханов, назвавший одну из своих статей 1905 г. «К вопросу о захвате власти». См.: Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 203—211.

по в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы...»¹¹

Таким образом, для меньшевиков решительная победа революции в России состояла бы не в установлении власти народа при руководящей роли пролетариата и его партии, а в приходе к кормилу правления буржуазной или в лучшем случае мелкобуржуазной демократии кадетского или эсеровского типа. При этом оппортунистическая двойственность концепции меньшевиков состояла в том, что, отдавая центральную власть в безраздельное распоряжение буржуазии, они провозглашали лозунг «революционного самоуправления» на местах, очевидно даже не сознавая всей искусственности и противоестественности подобной комбинации. Возможность выхода за пределы этой схемы меньшевики связывали лишь с началом пролетарской революции на Западе, которая могла, по их мнению, значительно ускорить естественный ход событий в России¹².

Плеханов разделял основные установки меньшевистской концепции, подвергнув ее лишь некоторой корректировке, что выразилось, в частности, в его отрицательном отношении к идее «революционного самоуправления». При этом следует подчеркнуть, что взгляды Плеханова по данному вопросу сложились в основном еще в 80-х годах и не претерпели с тех пор сколько-нибудь существенных, а тем более принципиальных изменений.

Как известно, народолюбцы рассматривали захват

¹¹ Первая общерусская конференция партийных работников. Женевы, 1905, с. 24.

¹² Так, Мартов теоретически допускал возможность возникновения в России такой ситуации, когда социал-демократы вынуждены будут взять власть, чтобы обеспечить национальную независимость и суверенитет страны. Подобный поворот событий он прямо связывал с политической недееспособностью буржуазных партий перед лицом внешней опасности, которая и должна была толкнуть рабочих на защиту буржуазной демократии своими, социалистическими средствами. В этом случае Мартов признавал необходимость «непрерывной революции» и прямой борьбы пролетариата с буржуазией, но видел лишь два возможных варианта выхода из кризиса: либо пролетариат и социал-демократия России остаются изолированными на международной арене — и тогда их ждет трагическая судьба Парижской коммуны, либо российская революция соединяется с европейской социалистической революцией и обретает в союзе с ней новые силы. Совершенно очевидно, что лидер меньшевиков даже не ставил вопроса о внутренних резервах революции, соглашаясь, видимо, с основными исходными посылками теории «перманентной революции» Парвуса — Троцкого. См.: Искра, 1905, 17 (30) марта.

власти революционным меньшинством как исходный пункт народной революции, допуская временную диктатуру этого меньшинства по примеру французских якобинцев и признавая неизбежность создания в России временного революционного правительства. В работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов поставил под сомнение и успех самого народовольческого заговора, и особенно способность революционеров-заговорщиков удержаться у власти. Он подчеркивал, что главное препятствие к «введению социализма» в России заключалось бы, естественно, в отсталости производства и мелкобуржуазных привычках крестьянства, но определенную негативную роль сыграла бы в этом и полная некомпетентность будущего временного революционного правительства в социально-экономических вопросах. В самом деле, спрашивал Плеханов, из кого могло бы состоять такое правительство? В него вошли бы рабочие, мало приспособленные пока для управления огромной страной; представители революционной молодежи, слабо знакомые с практической жизнью; наконец, офицеры, плохо разбирающиеся в гражданских, особенно экономических, вопросах. Если бы к ним присоединились еще либералы, то они лишь мешали бы осуществлению социально-революционных задач. В итоге нетрудно было бы предвидеть результаты «социалистической» деятельности таких «министров»¹³.

В «Наших разногласиях» Плеханов разбирает этот же вопрос более подробно¹⁴. Допустим, пишет он, что временное революционное правительство экспроприирует крупных землевладельцев и предпринимателей, национализирует землю, рудники, фабрики и заводы, покончит с самодержавием и установит народное правление. Но сможет ли оно организовать социалистическое производство? Выскажется ли за коммунизм большинство крестьян? На этот счет у Плеханова не было никаких сомнений: крестьянство выступит за сохранение товарного производства и общины, которые при существующих условиях способны порождать лишь капитализм. Не поможет здесь и пролетарская революция на Западе, ибо она будет бессильна преобразовать Россию на социалистический лад при отсутствии внутренних предпосылок такого преобразования. Что же будет итогом предпринятой попытки? «О, тот-

¹³ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. 1, с. 103—105.

¹⁴ Там же, с. 311—346.

да произойдет позорнейшее фиаско русской социалистической партии! Она вынуждена будет взяться за дело такой „организации“, для которой у нее не хватит ни сил, ни понимания. Все соеденится для того, чтобы нанести ей поражение: собственная неподготовленность, вражда высших сословий и сельской буржуазии, равнодушие народа к ее *организаторским* планам, общая неразвитость наших экономических отношений. Русская социалистическая партия даст лишь новый исторический пример для подтверждения мысли, высказанной Энгельсом по поводу крестьянской войны в Германии. „Самым худшим из всего, что может предстать вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство... Он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он *может* сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он *должен* сделать, невыполнимо. Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными. Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно“¹⁵. Захват власти революционерами послужил бы лишь сигналом для сил реакции, заключает Плеханов. «Он не упрочил бы влияния передовых сил страны, но, истощивши их первой, бесплодной попыткой, он обеспечил бы торжество консервативных и реакционных партий»¹⁶.

Мы привели эту длинную выдержку потому, что здесь изложена по существу вся аргументация, неоднократно повторенная затем Плехановым в 1905—1907 гг. при обсуждении вопроса о «захвате власти». При этом следует подчеркнуть, что в данном случае с Плехановым произошло то же, что случилось с ним при критике народнических воззрений на крестьянство: справедливо обрушившись на основные положения народнической доктрины,

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 422—423.

¹⁶ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. 1, с. 345, 346.

он «снял» и поставленную народниками проблему, что не просто обеднило его концепцию революции, а привело к серьезным методологическим и политическим ошибкам.

При решении этого вопроса Плеханов, несомненно, учитывал и точку зрения лидеров II Интернационала. Как известно, в 1901 г. он участвовал в работе Парижского конгресса II Интернационала, обсуждавшего среди прочих вопросов и так называемый «казус Мильерана», вступившего во французское буржуазное правительство Вальдека Руссо вместе с палачом Парижской коммуны генералом Галифе. Резолюция Каутского квалифицировала вступление отдельного социалиста в буржуазное правительство как «опасный опыт», который может быть полезен лишь тогда, когда его одобряет значительное большинство данной социалистической партии и когда социалистический министр остается уполномоченным этой партии. Плеханов считал эту резолюцию и особенно ее преамбулу, где содержалась весьма двусмысленная и чрезвычайно выгодная бернштейнианцам формула («В современном демократическом государстве завоевание политической власти пролетариатом не может быть достигнуто просто путем какого-нибудь насильственного действия, но может явиться лишь результатом длинной и трудной работы в области политической и экономической организации пролетариата, а также результатом его физического и нравственного возрождения и постепенного проникновения избранных им представителей в муниципальные советы и законодательные собрания»), явно недостаточной. В результате он голосовал за резолюцию Геда, хотя и не одобрял ее безоговорочно: Гед подчеркивал, что «по отношению к буржуазному правительству социалисты должны находиться в непрерывной оппозиции»; Плеханов же считал, что в *некоторых исключительных случаях* такое участие может быть необходимо для защиты насущных интересов рабочего класса. Однако большинством голосов на конгрессе все же прошла «каучуковая», как метко назвал ее Плеханов, резолюция Каутского¹⁷.

Амстердамский конгресс II Интернационала (1904 г.) в еще более резкой форме подтвердил, что «социал-демократия не может стремиться к участию в правительственной власти в рамках буржуазного общества»¹⁸.

¹⁷ Плеханов Г. В. Соч., т. 12, с. 108, 115, 116.

¹⁸ Искра, 1904, 5 (18) окт.

Между тем события 1905 г. создали совершенно новую ситуацию, не имевшую прецедентов в мировой истории. Налицо была небывалая по своему размаху народная революция, проходившая под гегемонией пролетариата; налицо была реальная возможность победы рабочих и крестьян и установления подлинного народовластия; налицо была перспектива комбинированного действия революционных классов не только «снизу», но и «сверху», используя для этого совершенно новый тип революционного рабоче-крестьянского правительства. Всего этого совершенно не учитывал Плеханов, который продолжал повторять свои сердитые тирады двадцатилетней давности в адрес народных волеводцев и по странной случайности «забыл» даже собственную формулу 1901 г., которая, казалось бы, могла послужить отправной точкой для правильного решения данного вопроса применительно к конкретной российской ситуации 1905 г.¹⁹

Совершенно иначе подошел к этому вопросу Ленин, вновь показавший силу творческого марксизма, чуждого каким бы то ни было шаблонам и схемам. На основе анализа реального соотношения классовых сил в России он сделал вывод о том, что буржуазная по своему социально-экономическому содержанию, но глубоко народная, проходящая под руководством рабочего класса революция в нашей стране в случае победы должна будет привести не к созданию обычного буржуазного правительства, а к установлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Ленин творчески развил известное положение Маркса о том, что «всякое временное государственное устройство после революции требует диктатуры, и притом энергичной диктатуры»²⁰. Задачу этой диктатуры, возникающей в ходе демократического переворота, Маркс видел в том, чтобы уничтожить старые реакционные учреждения, отстоять завоевания революции от любых покушений со стороны реакции и прочно утвердить «самодержавие народа». Положение о самодержавии народа было внесено Лениным в Программу партии, принятую на II съезде РСДРП, а в феврале 1905 г. конкре-

¹⁹ Характерно, что в 1917 г. Плеханов выражал готовность войти в состав буржуазного Временного правительства, уже не считая подобный шаг «изменой» интересам рабочего класса. См.: История СССР, 1977, № 4, с. 23.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 431.

тизировано в виде лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, остававшегося на вооружении нашей партии вплоть до февраля 1917 г.

Это была идея нового, переходного к диктатуре пролетариата типа государственной власти, опирающейся на революционный блок пролетарской и мелкобуржуазной демократии, на боевой союз пролетариата и крестьянства. Впервые о «революционной демократической диктатуре пролетариата и мелкой буржуазии» и Временном революционном правительстве Ленин упомянул в феврале 1905 г. в общем плане работ и решений III съезда РСДРП²¹. Затем, в марте — апреле 1905 г., он подробно развивает эти положения²², высмеивая, в частности, неправильную интерпретацию Плехановым и Мартыновым приведенного нами выше тезиса Энгельса о трагизме непонимания вождями рабочего класса непролетарского характера революционного переворота. Ленин подчеркивает при этом, что Энгельс имел в виду не временное революционное правительство в период буржуазной революции, а попытку установления социалистической диктатуры, для которой еще не созрели объективные условия. Социал-демократия действительно лишь осрамила бы себя, писал Ленин, если бы сразу же попыталась во временном революционном правительстве осуществить свою программу-максимум. Но такой задачи социал-демократы перед собой не ставят и не могут пока ставить. Что же касается трудностей, связанных с участием в революционном правительстве вместе с буржуазной демократией, то с ними пролетариат и его партия вполне могут справиться, не компрометируя своими действиями ни себя, ни идею социализма²³.

Одновременно с публикацией первой части ленинской работы «Социал-демократия и временное революционное правительство», 5(18) апреля 1905 г. Плеханов опубликовал в «Искре» статью «К вопросу о захвате власти (небольшая историческая справка)». Для решения спора, возникшего между большевиками и меньшевиками по вопросу о революционной власти, Плеханов предложил обратиться

²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 323, 318.

²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 1—31. Подробнее о ленинском подходе к этой проблеме см.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории: В 7-ми т. М., 1978, т. 3, с. 35—37.

²³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 23, 31.

к взглядам основоположников марксизма, касающимся исторических ситуаций, сходных, по его мнению, с ситуацией в России в 1905 г. Мы еще будем иметь возможность более подробно остановиться на вопросе о подходе Плеханова к идейному наследию классиков марксизма. Здесь же отметим лишь, что, весьма произвольно толкуя те советы, которые дали Маркс и Энгельс немецким коммунистам и итальянским социалистам в 1850 и 1894 гг.²⁴, и проводя неправомерные аналогии между положением в Германии и Италии в XIX в. и в России в 1905 г., Плеханов пришел к следующим выводам: 1) Маркс и Энгельс были якобы, безусловно, против участия социалистов в разного рода мелкобуржуазных правительствах, усматривая в этом превращение пролетариата в придаток буржуазной демократии; 2) они советовали социалистам ограничиться только ролью крайней революционной оппозиции; 3) Маркс и Энгельс являлись сторонниками соблюдения строгой последовательности в передвижке власти от феодальной монархии к либеральной крупной буржуазии, от либералов к мелкобуржуазным партиям, а затем уже к пролетариату; 4) именно так и предлагают действовать в России меньшевики, являющиеся, по мнению Плеханова, правоверными марксистами²⁵.

С первыми возражениями Плеханову Ленин выступил на III съезде РСДРП при обсуждении вопроса об участии социал-демократов во временном революционном правительстве. Прежде всего он отметил, что вопрос этот отнюдь не стоит еще в России на очереди и обсуждать его с точки зрения близкого практического осуществления было бы донкихотством. Поэтому дискуссия по этой проблеме, связанная меньшевиками, имеет пока лишь общетеоретическое значение. Ленин подчеркнул далее полную солидарность большевиков с концепцией Маркса и заявил, что они выступают лишь против той ее неверной интерпретации, которую дал Мартынов, а затем и вставший на его защиту Плеханов. «Мы очень ценили и ценим Плеханова за все те „обиды“, которые он нанес оппортунистам и которые навлекли на него почетную вражду массы лиц,—

²⁴ Имеются в виду «Обращение ЦК к Союзу коммунистов» (март 1850 г.) и письмо Ф. Энгельса к Ф. Турати (1894 г.). См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 257—267; т. 22, с. 457—460.

²⁵ Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 204—211.

сказал Ленин.— Но за защиту Мартынова мы его ценить не можем. Тут перед нами не прежний Плеханов»²⁶.

Перейдя затем к изложению большевистской позиции по вопросу о власти, Ленин сказал: «...Если самодержавное правительство будет действительно свергнуто, то оно должно быть заменено другим. А этим другим может быть лишь временное революционное правительство. Оно может опираться только на революционный народ, т. е. на пролетариат и крестьянство. Оно может быть только диктатурой, т. е. организацией не „порядка“, а организацией войны. Кто идет штурмом на крепость, тот не может отказаться от продолжения войны и после того, как он завладеет крепостью. Одно из двух: или возьмем крепость, чтобы удержать ее, или не идти на приступ и заявить, что хотим только малое местечко около крепости»²⁷.

Ленин отметил также неисторичность плехановского подхода к высказываниям Маркса, поскольку нельзя было сравнивать ситуацию в Германии 1850 г., когда революция уже катилась под гору и ни о каком временном революционном правительстве не могло быть и речи, и ситуацию 1905 г. в России, где сложилась сплоченная пролетарская партия, рабочие были организованы гораздо лучше буржуазии и являлись классом-гегемоном революционного движения, которое шло на подъем, к всенародному вооруженному восстанию против самодержавного строя. Кроме того, если в Германии 1848—1850 гг. мелкая буржуазия была представлена в первую очередь крайне отсталым в политическом отношении, заскорузлым и косным городским мещанством, то в России речь шла прежде всего о многомиллионных массах крестьянства, активно выступавшего против помещиков. Между тем все эти важные различия Плеханов обошел молчанием. Кроме того, Маркс, строго говоря, не поднимал вопроса об участии социал-демократов во временном революционном правительстве, тогда как Плеханов пытался представить дело таким образом, будто Маркс решал его отрицательно. Наконец, определяя общие принципы подхода пролетариата к проблеме революционной власти, Ленин советовал учитывать также авторитетное мнение Энгельса, высказанное им в статье «Бакунисты за работой», где говорилось о необходимости сочетания давления рабочих на буржуазию «снизу»,

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 127.

²⁷ Там же, с. 129.

«с улицы», и «сверху», используя для этого участие в революционном правительстве»²⁸.

Основные положения своего доклада на III съезде партии Ленин развил в большой статье «О временном революционном правительстве»²⁹ и в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», где он вновь подробно разбирает вопрос о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и об участии социал-демократии во временном революционном правительстве.

Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, подчеркивал Ленин, сможет осуществить коренное перераспределение земельной собственности в пользу крестьян, обеспечит установление в стране демократической республики, вырвет с корнем все азиатские, кабальные черты из деревенского и фабричного быта, положит начало серьезному улучшению положения рабочих, наконец, поможет перенести революционный пожар в Европу³⁰. Таким образом, в задачи революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян и ее органа — временного революционного правительства отнюдь не входили те социалистические эксперименты, планы осуществления которых приписывали им меньшевики. Историческая миссия этого нового, переходного от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата типа власти становится особенно понятной в свете более позднего тезиса Ленина о двух типах капитализма: «капитализме демократическом», прибегающем «к более культурным, более технически высоким» приемам эксплуатации наемного труда, и «капитализме черносотенно-октябристском», капитализме эпохи первоначального накопления, отличающемся особой жестокостью в ограблении рабочих и оплетенном густой сетью крепостнических пережитков³¹. Этот второй вид капитализма был особенно силен в России, в первую очередь в ее сельском хозяйстве, и ближайшая экономическая задача демократической революции здесь как раз и заключалась в замене капитализма черносотенно-октябристского капитализмом демократическим, в переходе от развития капитализма по так называемому «прусскому» пути к капиталистической эволюции американского типа.

²⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 457—474.

²⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 227—250.

³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 44, 45.

³¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 12, 13.

Это отнюдь не исключало того, что в дальнейшем, путем целого ряда переходных мер, новая революционная власть могла взять курс на постепенную замену капиталистических производственных отношений социалистическими. Но к такого рода преобразованиям она могла перейти лишь по мере вызревания объективных и субъективных условий перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, а отнюдь не по волюнтаристскому решению того или иного вождя, как представлял дело Плеханов.

Меньшевики рассуждали по абстрактно-логической схеме, выдержанной в худших традициях вульгарного «экономического материализма»: раз остается господство капитала, значит, и политическая власть должна быть сосредоточена в руках крупной и средней буржуазии, ибо политика не может «забегать» вперед экономики. Большевики, напротив, не отрицая того факта, что непосредственная борьба за социализм в России пока еще невозможна, что новая народная власть не сможет сразу же вырваться за рамки капитализма, тем не менее считали вполне реальным отстранение крупного капитала и его политических представителей от участия в органах власти уже на первом, демократическом этапе революции. При этом они делали ставку на революционную мелкобуржуазную крестьянскую демократию, а не на торгово-промышленную буржуазию и либеральную интеллигенцию кадетского типа.

Меньшевикам, в том числе и Плеханову, такая постановка вопроса казалась разрывом с марксизмом. Большевики во главе с Лениным видели в этом творческое развитие марксистского учения применительно к условиям России начала XX в. Понятно поэтому, почему чисто «литературный» на первый взгляд вопрос об участии социал-демократов во временном революционном правительстве вызвал такие ожесточенные споры между большевиками и меньшевиками: ведь именно на этом вопросе как бы «замыкались» все основные аспекты большевистской и меньшевистской, революционной и оппортунистической концепций революции.

В августе 1905 г. во втором номере «Дневника» Плеханов продолжил полемику с большевиками в виде открытого письма в газету «Пролетарий» под названием «Выбранные места из переписки с друзьями», где прямо заявил, что своими разговорами о «революционной диктатуре» больше-

вики якобы воскрешают старый предрассудок народовольцев. Ссылаясь на известное положение Маркса о восходящей и нисходящей линиях революции, высказанное им в книге «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»³², Плеханов доказывал, что «неторопливое» развитие революции по восходящей линии имеет ряд неоспоримых преимуществ перед скачками «через несколько ступеней сразу»: более умеренные буржуазные партии не растрачивали бы зря сил на пустые дразги и делали положительную работу, разрушая абсолютизм, а более передовые партии толкали бы их вперед и тем самым тоже оказывали огромную услугу освободительному движению. При этом в ходе борьбы с более умеренными элементами они пополняли бы собственный революционный опыт, довершали свое революционное воспитание и тем облегчали решение в будущем своей главной задачи. Их борьба с «умеренными» давала бы движению новый размах и силу, подчеркивал Плеханов, тогда как «перескакивание» через промежуточные ступени является тактикой куда менее революционной³³.

Плеханов считал, что участие социал-демократов во временном революционном правительстве было бы, образно говоря, равносильно для пролетариата московскому походу Наполеона, погубившего «Великую армию» именно тем, что французские войска вступили в главную цитадель русских — их древнюю столицу. Большевики хотят диктатуры «простого и черного народа», писал Плеханов, меньшевики же стремятся к диктатуре пролетариата и, пока она невозможна, требуют, чтобы социал-демократия «оставалась в оппозиции ко всем буржуазным партиям, ко всем хозяевам, хозяйчикам и полухозяичкам, лишь поддерживая их в той мере, в какой они становятся революционными»³⁴.

Плеханов предупреждал, что разногласия между пролетариатом и мелкой буржуазией, которых большевики хотят объединить в системе народной диктатуры, неизбежно возникнут гораздо раньше, чем встанет вопрос о социа-

³² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 141.

³³ Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 286. Этих взглядов Плеханов твердо придерживался и позже, рекомендуя, например, в 1915 г. начать в России с кадетско-октябристского правительства, а затем уже добиваться передачи власти более левым партиям. См.: Плеханов Г. В. О двух линиях революции.— В кн.: О войне. Пг., 1917, с. 6.

³⁴ Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 300.

лизме. «В экономической области мелкая буржуазия... понимает демократизм совсем не так, как „мы“ его понимаем,— писал Плеханов.— Для нее демократизм означает нечто вроде блаженной памяти „народного производства“... С этим демократизмом у нас нет и не может быть ничего общего. Возможно ли для нас впрямь в правительственную колесницу подобного демократизма?»³⁵ (Заметим, что этот аргумент как две капли воды напоминает рассуждения Троцкого о неразрешимых противоречиях между пролетариатом и крестьянством, которые должны были якобы возникнуть на другой же день после создания рабочего правительства и выход из которых могла дать только мировая революция.) Если бы рабочие вошли во временное правительство вместе с мелкой буржуазией, утверждал Плеханов, то получилась бы не диктатура пролетариата и мелкой буржуазии, а диктатура последней *над* пролетариатом, причем социал-демократам пришлось бы идти в этом случае вместе с эсерами³⁶, что было в его глазах верхом политического «грехопадения».

Итак, стоило Плеханову оторваться от своих «исторических справок», как он обнаружил две чрезвычайно характерные черты, присущие всему меньшевизму в целом: 1) глубокое убеждение в неизбежности смены российского самодержавия властью буржуазии и 2) столь же глубокое неверие в революционные возможности крестьянства и в реальность его союза с рабочим классом. Именно в этом состояла суть его концепции, ибо все исторические параллели вместе взятые еще ровно ничего не доказывали и не опровергали и годились в лучшем случае именно в качестве «исторической справки» со ссылкой на авторитеты, не больше. Указанные два положения стабильно прошли через многие высказывания Плеханова о революции 1905—1907 гг., включая и его известную статью о двух линиях революции, подвергнутую беспощадной критике Лениным³⁷.

Догматическая натура меньшевиков не могла примириться с «нелепой», с их точки зрения, постановкой вопроса о диктатуре сразу двух, и притом различных по своему социально-экономическому положению, классов. Они считали, что диктатура предполагает единство воли, которого

не может быть у пролетариата и крестьянства, ибо последнее в России не доросло даже до буржуазной демократии якобинского типа, не говоря уже о социализме³⁸. При этом меньшевики не хотели понимать того, что на демократическом этапе революции позиция крестьянства определяется в первую очередь его глубоким и непримиримым антагонизмом с дворянством на базе аграрного вопроса, а затем уже «трудowymi» и «уравнительными» иллюзиями в духе старого русского народничества. Этот крестьянско-дворянский антагонизм перекрывал в 1905 г. действие всех других факторов, связанных с политической неразвитостью, монархическими предрассудками и конституционными иллюзиями крестьянства, их мелкобуржуазными привычками и стремлениями.

Демократическая диктатура двух трудящихся классов не противоречила и ходу экономического развития России, как утверждал меньшевик Маслов³⁹, ибо на повестке дня стояло еще не установление социалистического строя, а создание условий для развития аграрного капитализма по американскому пути. И здесь интересы пролетариата и крестьянства в главном и основном совпадали, поскольку рабочий выигрывал от ликвидации помещиков не только политически, но и получал целый ряд непосредственных выгод от замены помещичьих латифундий хозяйством капиталистических фермеров (понижение цен на продукты питания как результат роста производительности труда в крестьянском хозяйстве, смягчение конкуренции на бирже труда в промышленности вследствие поглощения добавочной рабочей силы в самой деревне, общее оживление экономической конъюнктуры на базе расширения внутреннего рынка и т. д.). Кроме того, не следует забывать об общности коренных политических интересов рабочих и крестьян на демократическом этапе революции, обусловленной их заинтересованностью в ликвидации сословного строя, дворянских привилегий, засилья царской бюрократии и всей самодержавной системы в целом.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что для Ленина идея революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства была логическим продолжением идеи геге-

³⁵ Там же, с. 299.

³⁶ Там же, с. 303.

³⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 76—84.

³⁸ Искра, 1905, 31 марта (13 апр.); 29 авг. (10 сент.).

³⁹ Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909, т. 1, с. 661. Эсеры также считали, что «совместная диктатура двух разнородных социальных групп — не что иное, как абсурд» (Сознательная Россия. СПб., 1906, вып. 2, с. 37).

монии пролетариата в освободительном движении при союзе с крестьянством. Установление революционной народной диктатуры естественно венчало победу рабоче-крестьянской по своим движущим силам демократической революции, ибо Ленин считал, что рабочие и крестьяне должны вместе бить, разбить и добить самодержавно-помещичий строй, закрепить завоеванную победу серией экономических, социальных и политических преобразований и отстоять достижения революции от возможных попыток реставрации старого строя.

Вместе с тем большевики никогда не ждали от крестьян способности к самостоятельной и тем более руководящей роли в революционной борьбе⁴⁰, никогда не закрывали глаза на их двойственную социальную природу. Поэтому революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства могла эффективно выполнять свои функции и предохранить себя от перерождения и внутренней гибели лишь при руководящей роли рабочего класса и его партии. Правда, Ленин не считал нужным прогнозировать заранее организационные формы этой диктатуры, не определял конкретного соотношения рабочих и крестьянских представителей в ее центральных и местных органах (хотя и допускал, что социал-демократы могут быть в революционном правительстве в меньшинстве). Эти вопросы должна была решить сама жизнь, которая и подсказала к концу 1905 г. такую форму народной диктатуры, как Советы. Очевидным было одно: новая власть должна была носить коалиционный, левоблокнистский характер и функционировать как власть широкого народного фронта, сложившегося в ходе революционной борьбы с царизмом на основе союза пролетариата и крестьянства.

Что касается меньшевиков, то наложив вето на участие представителей пролетариата в органах центральной власти, призванных заменить в ходе революции старую царскую администрацию, они сочинили план создания так называемого «революционного самоуправления» по образцу французских революционных коммун эпохи Великой французской революции и тех революционных крестьянских народных комитетов, которые возникли к весне 1905 г. в Западной Грузии⁴¹.

⁴⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 145.

⁴¹ Эта идея была развита в целой серии статей Дана, Парвуса и Мартова в «Искре» в связи с обсуждением вопроса об отноше-

Отвечая меньшевикам, Ленин писал: мы не против «революционного самоуправления», требование которого давно включено в программу-минимум РСДРП. «Демократический переворот был бы невозможен без мощного и многостороннего демократического движения, а одной из этих многих сторон является движение в области самоуправления»⁴². Но это отнюдь не значит, продолжал Ленин, что «революционное самоуправление» может стать «прологом восстания», как утверждают меньшевики. Наоборот, логично предположить, что оно будет скорее его эпилогом и без полной победы революционного народа так и останется жалким «кусочком» переворота, ничего не меняющим в общественном устройстве России по существу и способным удовлетворить лишь филистеров-меньшевиков⁴³.

Между тем подъем революции все острее ставил вопрос о замене старой самодержавной власти властью народа⁴⁴. В это же время в целом ряде районов России появились новые массовые организации — Советы рабочих депутатов, которым суждено было сыграть затем поистине выдающуюся роль в истории нашей страны. Уже в начале 1905 г. на фабриках и заводах стали возникать рабочие комиссии,

нии к Булыгинской думе. В марте 1906 г. Плеханов довольно нелестно отозвался о лозунге «революционного самоуправления», хотя и дал понять, что в основе его лежит правильная мысль, окутанная, правда, густым туманом меньшевистской фразеологии. Он писал, что знаменитое «революционное самоуправление» ничего никому не выяснило и многих сбilo с толку (см.: Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 58). Однако на IV съезде РСДРП, защищая меньшевистский проект муниципализации земли, Плеханов назвал местные органы самоуправления, муниципализирующие землю, маленькими «республиками», которые послужат опорой в борьбе с монархией. Таким образом, он предложил по существу лишь новый вариант старого меньшевистского лозунга «революционного самоуправления». В протоколах съезда это место из выступления Плеханова не отражено, но Ленин сразу же обратил на него внимание. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 19.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 370, 371.

⁴³ См. там же, с. 371.

⁴⁴ В конце октября 1905 г. Мартов в письме к Аксельроду признавал: «Идейное влияние социал-демократии так колоссально велико, что „захват власти“ при бурном обороте дальнейших событий начинает иногда казаться почти неизбежным. Это не значит, что такой захват представляет нечто заманчивое; я-то боюсь, что это будет поворотным пунктом революции и не хуже, чем была якобинская диктатура» (Письма Мартова и Аксельрода. Берлин, 1924, с. 146). Мартов намекает здесь на то, что вслед за якобинской диктатурой последовал термидорианский переворот, означавший конец революции.

депутатские и делегатские собрания, стачечные комитеты и другие выборные органы руководства стачечной борьбой. Затем рабочие переходят к созданию Советов рабочих депутатов в масштабах промышленного поселка, города или района, выходят за рамки выполнения функций руководства отдельными стачками, начинают отстаивать общие экономические и политические интересы рабочих и других слоев трудящихся, берут на себя явочным порядком исполнение тех или иных функций революционной власти.

Первым общегородским Советом рабочих депутатов стало Собрание уполномоченных депутатов в Иваново-Вознесенске, действовавшее во время знаменитой летней стачки текстильщиков летом 1905 г. В массовом же масштабе Советы стали возникать в октябре — ноябре 1905 г., во время Всероссийской октябрьской политической стачки и подготовки к вооруженному восстанию. В этот период Советы стали зачаточными органами народной власти, обрели силу в восстании, облекли в плоть и кровь ленинскую идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Расширилась и их социальная база — они стали объединять теперь представителей не только пролетариата, но и революционной мелкобуржуазной демократии, стали воплощением в жизнь идеи гегемонии пролетариата в демократической революции, большевистской тактики «левого блока»⁴⁵.

Меньшевики кичились тем, что они якобы раньше большевиков разглядели значение Советов и помогли их организации, что Советы — это воплощение их лозунга «революционного самоуправления», идеи «революционных коммун»⁴⁶. В действительности меньшевики отнюдь не

⁴⁵ Подробнее об этом см.: Демочкин Н. П. Советы 1905 года — органы революционной власти. М., 1963; Он же. В. И. Ленин и образование Республики Советов. М., 1974. Об историографии проблемы см.: Пушкарева И. М. Некоторые вопросы изучения Советов в революции 1905—1907 гг. — В кн.: Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978.

⁴⁶ Изложение меньшевистской концепции Советов как органов «революционного самоуправления» см.: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы, М., 1959, с. 239; Начало, 1905, 15 (28) нояб.; Письма Мартова и Аксельрода, с. 146. Эта версия перекечевала затем в буржуазную литературу, восхваляющую «демократизм» меньшевиков и их деятельность в Советах. См., например: Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960, p. 69, 70; Schwarz S. The Russian Revolution of 1905. The Workers Movement and the Formation of Bolshevism and Menshevism. Chicago; London, 1967, p. 177, 178; и др.

«предвосхитили» возникновение Советов и не сыграли в их организации никакой «особой роли». Они не поняли значения Советов как зародышей новой, народной власти, рождающейся в огне революции, видели в них в лучшем случае лишь органы местного самоуправления, а после декабря 1905 г. почти не вспоминали больше об этой форме пролетарской организации.

Плеханов, разумеется, знал о Советах и знал не только из газет. Сохранилось интереснейшее письмо В. И. Засулич, которой после издания Манифеста 17 октября удалось приехать из-за границы в Петербург. Письмо адресовано Плеханову и датировано 3 ноября 1905 г. «Если бы Вы видели, что за прелесть петербургский рабочий класс! — писала она. — Чуть не прямо с поезда я попала на заседание „Комитета делегатов“ (Совета рабочих депутатов. — С. Т.), избранного от всех фабрик и заводов (500 человек). Что за народ! Такого сильного и счастливого впечатления я не помню, чтобы когда испытывала. И этот комитет — наиболее авторитетная сила в Петербурге. Настоящая гегемония не социал-демократии, правда, но пролетариата. Я в этом еще более удостоверилась, побывавши на заседании центрального бюро „Союза союзов“. Для них „Комитет делегатов“ — центр, к которому они приспособляют свою деятельность, ставят свои решения в зависимость от его решений, не имея в то же время возможности влиять на решения наших делегатов»⁴⁷.

Однако Плеханов не дал никакой оценки Советов, хотя и цитировал с одобрением некоторые материалы, опубликованные в «Известиях Петербургского Совета рабочих депутатов»⁴⁸. Он «просмотрел» то принципиально новое, что было заложено в этих подлинно народных массовых организациях, — и в этом факте тоже ярко проявилось отставание Плеханова от революционной действительности, неумение выделить в бурном потоке быстро сменяющихся друг друга, драматичных и красочных событий то, что составляло самую суть революционного процесса и коренным образом отличало российскую революцию от всех предшествующих буржуазных революций, происходивших на Западе. Правда, на IV съезде РСДРП в незапротоколированной речи при обсуждении вопроса о современном моменте и классовых задачах пролетариата Плеханов сказал: Советы

⁴⁷ Архив Дома Плеханова, ед. хр. В.487.15.

⁴⁸ Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 346—347, 353; т. 15, с. 11.

рабочих депутатов желательны и необходимы. Но он — и это с особой силой подчеркнул Ленин — «не потрудился анализировать, что представляют Советы рабочих депутатов»⁴⁹ — органы революционного самоуправления или зачаточные органы власти? Ошибка Плеханова, по словам Ленина, состояла в полном отсутствии анализа тех форм движения, которые были в России в октябре 1905 г.⁵⁰

На протяжении всей революции Плеханов категорически отрицал возможность превращения социал-демократии в правящую партию. Единственный шаг вперед — если это только можно назвать шагом вперед, — сделанный Плехановым в вопросе о «захвате власти» в конце 1905 г., состоял в том, что он решил не горячиться из-за дележа «шкуры неубитого медведя», как выразился в свое время Каутский, узнав о спорах между большевиками и меньшевиками об участии во временном революционном правительстве⁵¹. В ноябре 1905 г. в очередном номере своего «Дневника» Плеханов писал: «С точки зрения принципа стремление к участию во временном правительстве есть несомненно промах, оппортунизм на революционной подкладке. Оппортунизм — грех. Но ведь этот грех относится к будущему времени. Он неизвестно когда совершится. Неизвестно даже, совершится ли он когда-нибудь. Во-первых, наших товарищей „большевиков“ могут не принять во временное правительство. Во-вторых, неизвестно, будет ли существовать само это правительство. Ведь вот Великая французская революция совсем обошлась без него. Что если обойдется без него и великая российская революция? Ведь тогда выйдет, что нашему объединению воспрепятствовала простая гипотеза»⁵².

Однако на IV съезде партии при обсуждении аграрной программы Плеханов вновь резко выступил против большевиков по вопросу о «захвате власти». Он правильно свя-

зал большевистскую программу национализации земли с решительной победой революции, но истолковал при этом большевистскую тактику в узкозаговорщическом, бланкистском духе, прямо отождествив ее с народовольчеством. «Я упрекнул Ленина в том, — говорил Плеханов, — что он *реставрирует* народовольческую идею захвата власти. Он ответил мне, что после 17 октября эта идея перестала быть утопией»⁵³. Я понимаю все значение 17 октября, но я не понимаю, каким образом оно могло изменить нашу оценку некоторых старых логических ценностей... Что такое демократическая республика, к которой мы теперь стремимся? Это — *буржуазная* республика... Если бы мы твердо и решительно условили себе этот взгляд, если бы мы поняли неизбежность свойственных буржуазной республике классовых противоречий, то мы не так легко вдавались бы в идеализацию захвата власти... Наша точка зрения состоит в том, что захват власти обязателен для нас, но обязателен тогда, когда мы делаем *пролетарскую* революцию. А так как предстоящая нам революция может быть только

⁵³ В заключительном слове по аграрному вопросу Ленин сказал: «Теперь, после октября, ноября и декабря 1905 года, после того, как широкие массы рабочего класса, полупролетарских элементов и крестьянства показали миру невиданные давно уже формы революционного движения, — теперь, после того, как борьба революционного народа за власть вспыхнула и в Москве, и на юге, и в Прибалтийском крае, — теперь сводить мысль о завоевании политической власти революционным народом к народовольчеству значит запаздывать на целых 25 лет, значит вычеркивать из истории России целый громадный период. Плеханов говорил: не нужно бояться аграрной революции. Именно эта боязнь завоевания власти революционным крестьянством и есть боязнь аграрной революции. Аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом. Без этого последнего условия это будет не аграрная революция, а крестьянский бунт или кадетские аграрные реформы... Революционная власть не интеллигентов, не группы заговорщиков, а рабочих и крестьян уже имела место в России, уже осуществлялась на деле в ходе нашей революции (перед этим Ленин говорил о Советах рабочих депутатов, крестьянских и железнодорожных комитетах и т. п. — С. Т.). Она была раздвлена благодаря победе реакции, но если мы имеем действительное основание быть убежденными в подъеме революции, то мы неизбежно также должны ждать и подъема, развития и успеха новых, еще более решительных, еще более связанных с крестьянством и пролетариатом органов революционной власти. Следовательно, Плеханов посредством избытого и смешного жупела «народовольчество» только увильнул от анализа октябрьско-декабрьских форм движения» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 365—367).

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 375.

⁵⁰ См. там же.

⁵¹ История СССР, 1969, № 2, с. 46.

⁵² Плеханов Г. В. Соч., т. 13, с. 356. В 1906 г. в «Письмах о тактике и бестактности» Плеханов вновь повторил, что участие социал-демократов во временном буржуазном правительстве сделало бы из пролетариата «правительственную партию», тогда как в интересах воспитания рабочей массы РСДРП было бы несравненно полезнее оставаться «партией оппозиции». «Вот почему названное участие было бы проявлением непозволительного оппортунизма...» (Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 130).

мелкобуржуазной, то мы обязаны отказаться от захвата власти»⁵⁴.

Правда, и в этом вопросе Плеханов вынужден был сделать на съезде некоторые уступки, заявив, что не отрицает захвата власти по примеру французского Конвента 1792 г. Ленин сейчас же предложил меньшевикам включить эту мысль Плеханова в проект резолюции, поскольку Конвент, особенно в период якобинской диктатуры, осуществил целый ряд эффективных мер по борьбе с контрреволюцией и закреплению завоеваний революционного периода, т. е. действовал примерно в том же направлении, в каком должна была действовать, по замыслу большевиков, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в России. «Напишите же это, товарищи „меньшевики“, в вашей резолюции,— говорил Ленин.— Отвергните ленинизм, заклейте заговорщиков эсеров и пр., и пр., мне это ни капли не страшно, но поставьте пункт о захвате власти по типу Конвента, и мы обеими руками подпишемся под этой резолюцией. Только помните, т. Плеханов, как только вы это напишете, поверьте, кадеты перестанут хвалить вас»⁵⁵. Меньшевики, разумеется, предпочли замать этот вопрос, а Плеханов уже не делал впредь столь

⁵⁴ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 74—76. Во время работы съезда произошел примечательный инцидент, связанный с вопросом о «захвате власти». В первоначальном проекте меньшевистской резолюции о вооруженном восстании была фраза: «Принимаю во внимание, что тупое упорство российского правительства ставит народ в необходимость вырвать у него государственную власть...». Плеханов предложил в комиссии заменить последние слова выражением «вырвать у него силой свои права». Это и было сделано, но на съезде резолюция была оглашена в старом варианте. Большевики сразу же обратили внимание на разительное несоответствие между тезисом о необходимости «вырвать власть» и общей концепцией меньшевизма по данному вопросу. Луначарский, в частности, заявил, что меньшевики, с одной стороны, дискредитируют подготовку восстания, а с другой — начинают свою резолюцию с призыва к задаче вырвать у правительства силой власть. «Меня не удивляет эта двойственность, свойственная меньшевизму,— сказал он,—...но я ожидал большего от его опытного гувернера (т. е. Плеханова.— С. Т.)...» (Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959, с. 376). Тогда Плеханов снова предложил свою поправку, но ее оппортунизм, по словам Ленина, «до того бил в лицо», что после энергичных протестов со стороны большевиков он сам снял ее под тем предлогом, что «не стоит особенно спорить из-за „стилистики“» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 6).

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 376.

«неосторожных» заявлений, которые согласен был поддерживать его главный оппонент — Ленин.

Съездовская дискуссия по вопросу о власти еще раз показала наличие в РСДРП двух подходов к этой проблеме. Меньшевики, в том числе и Плеханов, рассуждали по старому, «классическому» шаблону: буржуазная революция рождает буржуазную республику, так было в XVIII и XIX вв., так должно быть и в России 1905 г. Что касается революционной самодеятельности масс, революционного народного творчества, вызвавшего к жизни совершенно новый тип массовой политической организации — Советы, то все это казалось меньшевикам лишь новым изданием наивного и вредного преклонения революционной интеллигенции народнической поры перед «его величеством народом», породившего в конечном счете лишь разочарование, разбитые иллюзии и политическую апатию. Недаром на IV съезде РСДРП Плеханов с таким азартом напал на ленинский термин «народное творчество», обвиняя большевиков в возврате к народовольчеству⁵⁶.

Величайшая заслуга Ленина как вождя и теоретика пролетариата состояла в том, что он сразу же увидел в Советах зародыш революционной диктатуры пролетариата и крестьянства⁵⁷, невиданную в истории буржуазных революций политическую организацию масс, которая могла занять достойное место на развалинах старой, сломанной революционным народом политической надстройки, служившей интересам эксплуататорских классов. В статье «Победа кадетов и задачи рабочей партии» Ленин подчеркивал, что Советы были именно зачаточными органами власти, несмотря на всю их неразвитость, неоформленность, стихийность возникновения: «...это были, несомненно, зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства. По своему социально-политическому характеру это была, в зачатке, диктатура революционных элементов народа...»⁵⁸.

Эта диктатура, по мысли Ленина, должна была послушать и определенной гарантией от термидорианских тен-

⁵⁶ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 74.

⁵⁷ Именно так оценил Ленин Советы после первого же посещения заседания Петербургского Совета рабочих депутатов в ноябре 1905 г. См.: Историко-революционный бюллетень, 1922, № 1, с. 15.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 317.

денций, от реставрации старого, самодержавного порядка. Постановка этого вопроса на IV съезде РСДРП представляла собой немалый теоретический интерес. Ведь закрепление победы революции, упрочение ее завоеваний, иными словами, все то, что входит в задачи «второго дня революции», — это очень важная и сложная проблема, заново встающая перед каждой революцией, перед каждым поколением революционеров⁵⁹. Вот почему сама по себе постановка вопроса о «гарантиях от реставрации», безусловно, имела смысл и представляла не один только академический интерес. Не случайно В. В. Воровский, анализируя решения IV съезда РСДРП, подчеркивал, что если очистить нападки Плеханова на ленинскую программу национализации земли от «толстого слоя фракционной полемики и демагогической пыли», то суть их сводится к постановке вполне реального и насущного вопроса об угрозе реставрации, с которой, несомненно, приходится считаться⁶⁰.

Однако угол зрения, под которым решил посмотреть на эту проблему Плеханов, был выбран им таким образом, что важный и сложный вопрос оказался скомканным, запутанным и был сведен к поискам несуществующего рецепта революции, которая имела бы 100% гарантии на успех. В результате Плеханов пришел к банальному и весьма жалкому с философской точки зрения выводу: не нужно раньше времени брать власть, тогда не страшна будет и угроза реставрации.

Отвечая Плеханову, Ленин подчеркнул, что абсолютной гарантией от реставрации может быть только победа социалистической революции на Западе. Что же касается относительной гарантии, то она, по мысли Ленина, состоит в том, чтобы «революция была осуществлена возможно более решительно, чтобы она была проведена непосредственно революционным классом, при наименьшем участии посредников, соглашателей и всяческих примирителей, чтобы эта революция была действительно доведена до конца...»⁶¹. Далее Ленин подчеркивал, что аграрная революция невозможна без доведенной до конца политической революции, без полного демократического переворота, без выбора чиновников народом⁶². А немного позже, в «Докла-

⁵⁹ Красин Ю. А. Революцией уstraшенные. М., 1975, с. 80—89.

⁶⁰ Вестник жизни, 1906, № 5, с. 19, 20.

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 363.

⁶² См. там же, с. 364.

де об Объединительном съезде РСДРП», критикуя взгляды Плеханова по вопросу о «гарантиях от реставрации», Ленин показал, что его аргументация по существу взята из политического арсенала кадетов, которые глубокомысленно поучали социал-демократов: не трогайте монархии, ибо у вас нет гарантий от реставрации⁶³.

Плехановский взгляд на буржуазную республику и ответственное перед парламентом буржуазное правительство как предел мечтаний рабочего класса в период демократической революции очень импонировал меньшевикам. Это проявилось, в частности, в их отношении к лозунгу ответственного думского министерства, выдвинутого в мае 1906 г. крестьянскими депутатами-трудовиками при поддержке кадетов. В кризисной ситуации тех дней меньшевики не нашли ничего лучшего, как сделать этот лозунг главным политическим требованием момента и развернуть в рабочей среде широкую агитационную кампанию в его поддержку.

Избранный на IV съезде ЦК РСДРП, в котором преобладали меньшевики, принял резолюцию, рекомендовавшую рабочим «поддерживать Думу во всех ее шагах, направленных к низвержению нынешнего министерства и к замене его министерством, назначенным Думой»⁶⁴. А меньшевистская петербургская газета «Курьер» прямо назвала требование думского министерства «революционным шагом Думы», подчеркнув, что крестьянство еще не готово к тому, чтобы идти «мимо Думы» к восстанию, и поэтому выступать против лозунга ответственного министерства равносильно тому, чтобы изолировать пролетариат от народа⁶⁵.

Большевики, напротив, отвергли лозунг ответственного министерства как попытку сделки буржуазии с самодержавием. В тот же день, когда меньшевистский «Курьер» высказался за ответственное министерство, Ленин писал: «Не может и не должна революционная социал-демократия поддерживать требование о назначении ответственного

⁶³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 24.

⁶⁴ Революция 1905—1907 гг. в России: Документы и материалы. Второй период революции. 1906—1907 гг. М., 1961, ч. 2, кн. 1, с. 23.

⁶⁵ Курьер, 1906, 10 июня. В. И. Засулич писала в это время, что меньшевики считают ответственное министерство лучшим ближайшим исходом, а большевики решительно отрицают такой взгляд. См. Архив Дома Плеханова, ед. хр. АД 5/342.4, л. 8 об.—9.

министерства из думского большинства!»⁶⁶. И далее Ленин разъяснял, что ответственное министерство, конечно, лучше совершенно безответственного или, точнее говоря, ответственного перед одним царем правительства. Лучше, в частности, уже тем, что помогает быстрее разоблачить всю фальшь кадетских рассуждений о «народной свободе», ибо на практике кадетские министры никогда эту свободу обеспечить не смогут, да и не захотят. Если не удастся полное разрушение старой власти, писал Ленин, пролетариат использует и ответственное министерство, но проповедовать сразу же одно только частичное разрушение старой власти пролетариат никогда не будет. «Действительная поддержка действительной борьбы дается тем, кто стремится к большему (достигая в случае неудачи меньшего), а не тем, кто *до борьбы* оппортунистически урезывает ее задачи», — подчеркивал Ленин⁶⁷.

С точки зрения либералов и их меньшевистских последователей, писал Ленин, нужно выбирать между теперешним злом и самой маленькой его реформой, между самодержавием и крайней правой из всех оппозиционных партий, ибо эта партия предлагает то, что в данный момент легче всего осуществить. На деле же, подчеркивал Ленин, реформы — это побочный продукт революции, поэтому двинуть вперед любую серьезную реформу можно только решительной революционной борьбой⁶⁸.

Плеханов, напротив, считал, что лозунг ответственного министерства работает на революцию. В конце февраля 1907 г. в статье «По поводу новой Думы», опубликованной в газете «Русская жизнь» и вошедшей затем в серию «Новых писем о тактике и бестактности», он вступил в полемику с Г. А. Алексинским, который предложил в противовес лозунгу ответственного министерства выдвинуть во II Думе родившийся летом 1906 г. лозунг образования революционного исполнительного комитета левых фракций Думы, связанного с местными революционными организациями⁶⁹. Плеханов заявил, что социал-демократические

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 213.

⁶⁷ Там же, с. 221.

⁶⁸ См. там же, с. 264.

⁶⁹ Сборник первый. СПб., 1907, с. 30. «Исполнительный комитет левых групп» был создан трудовиками и социал-демократическими депутатами I Думы во время июльского политического кризиса 1906 г. и выступал за вооруженное восстание и созыв Учредительного собрания.

депутаты новой Думы должны поддержать лозунг ответственного министерства «огромным весом представляемого ими класса» — пролетариата. Если силы революции уже переросли силы правительства, то этот лозунг может послужить сигналом для решительного боя, если нет — «названное требование должно быть поддержано как прекрасное воспитательное средство, развивающее политическое сознание народа и тем самым подготовляющее его для победоносного боя в будущем»⁷⁰. Поэтому, делал Плеханов вывод, социал-демократические депутаты в обоих этих случаях не могут не включить лозунга ответственного министерства в свою программу.

Ленин немедленно откликнулся на новое выступление Плеханова в статье под красноречивым заголовком «О тактике оппортунизма». В том случае, писал он, если силы революции, как допускает Плеханов, «переросли силы правительства», лозунг ответственного министерства не нужен, вреден и не был бы даже поддержан либералами. Не нужен, поскольку он слишком слаб и носит чересчур косвенный характер в качестве призыва к решительной схватке. Вреден потому, что даже действительный переход власти к либералам не способен осуществить основные требования революции, а стало быть, затемняет сознание масс. Если силы революции достаточны для победы над реакцией, то призывать к сделке с этой реакцией (а ответственное министерство есть именно такая сделка) значит вредить революции. Наконец, надо иметь в виду, что кадеты после I Думы сильно ушли вправо, решительно и определенно выступив против революции.

Если же силы революции еще не переросли сил реакции, то лозунг Плеханова лишь затемняет сознание масс и развращает их. «Этот лозунг, — писал Ленин, — приносит в жертву *коренные интересы* демократии и всей нашей революции — просвещение масс насчет задач реальной борьбы народа за *реальную* власть — приносит их в жертву временным, случайным, побочным, путаным, *либеральным* лозунгам, задачам и интересам.

А в таком принесении в жертву коренных задач проле-

⁷⁰ Плеханов Г. В. Соч., т. 15, с. 309—310. Характерно, что в марте 1907 г. меньшевики по-прежнему считали лозунг ответственного министерства лозунгом «борьбы за власть». См.: На очереди, 1907, 3 марта.

тариата половинчатым и спутанным задачам либерализма и состоит сущность *оппортунизма* в тактике»⁷¹.

В своем классическом труде «Государство и революция» Ленин подчеркивал, что Плеханов никогда не мог дать правильного марксистского решения вопроса об отношении революции к государству, показав себя в 1905—1917 гг. полудоктринером, полуфилистером, шедшим в политике в хвосте у буржуазии⁷². Не смог решить эту кардинальную проблему и меньшевизм в целом. И если Ленин был в 1905 г. уже на подступах к своему гениальному открытию Советов как нового типа государственной власти, то меньшевики и Плеханов остались на уровне типичных для деятелей II Интернационала воззрений на буржуазную демократию и буржуазный парламентаризм как «вершину» политической эволюции общества, открывающих якобы наиболее безболезненный путь к социализму.

Таким образом, ложная в своей основе меньшевистская концепция характера и движущих сил русской буржуазной революции логически привела их и к неверному, оппортунистическому решению главного вопроса революции — вопроса о власти.

⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 61.

⁷² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 103.